

Дата поступления рукописи в редакцию: 14.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-49-53

АРЕВШАТЯН Вачаган Асланович,
следователь отделения следственного отдела
Северо-Восточного линейного управления
МВД России на транспорте, капитан юстиции,
e-mail: mail@law-books.ru

НИКИТЕНКО Илья Викторович,
доктор юридических наук, профессор,
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И.Ф. Шилова,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРОБЛЕМЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Аннотация. В статье исследуется комплекс практических и доктринальных проблем, возникающих при разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ. Авторами обосновывается тезис о том, что действующие критерии установления умысла на сбыт носят преимущественно косвенный и формальный характер, что порождает устойчивую тенденцию к квалификационным ошибкам в судебной практике. Центральное место в исследовании занимает анализ провокации преступления как самостоятельного правового явления, недостаточно обеспеченного процессуальными механизмами защиты. На основе изучения судебных решений, в том числе апелляционного приговора Пермского краевого суда по делу № 22-7418, а также нормативно-доктринальных источников авторы формулируют предложения *de lege ferenda*, направленные на восполнение существующих пробелов в регулировании.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотических средств, ст. 228 УК РФ, ст. 228.1 УК РФ, умысел на сбыт, провокация преступления, оперативно-розыскная деятельность, квалификация смежных составов, принцип справедливости.

AREVSHATYAN Vachagan Aslanovich,
Investigator, North-Eastern Linear Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Transport,
Captain of Justice

NIKITENKO Ilya Viktorovich,
Doctor of Law, Professor,
Far Eastern Law Institute of the MIA
of Russia named after I.F. Shilov

PROBLEMS OF DELIMITATION OF LEGAL DRUG CIRCULATION FROM CRIMINAL ACTS AND ISSUES OF QUALIFICATION OF RELATED OFFENSES

Annotation. The article examines a set of practical and doctrinal problems arising in the delimitation of criminal offenses under Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors substantiate the thesis that the existing criteria for establishing the intent to sell are predominantly indirect and formal in nature, generating a persistent trend toward qualification errors in judicial practice. Central to the study is an analysis of criminal provocation as an independent legal phenomenon that lacks adequate procedural safeguards. Drawing on judicial decisions — including the appellate judgment of the Perm Regional Court in case No. 22-7418 — as well as normative and doctrinal sources, the authors formulate *de lege ferenda* proposals aimed at filling the existing gaps in legal regulation.

Key words: illicit trafficking of narcotic drugs, Article 228 of the Criminal Code of the RF, Article 228.1 of the Criminal Code of the RF, intent to sell, criminal provocation, operational-investigative activity, qualification of related offenses, principle of justice.

Введение

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ относится к числу тех уголовно-правовых явлений, в которых нормативная определённость уголовного закона вступает в системное противоречие с неоднозначностью правоприменительной практики. Закон, формально разграничив ответственность за хранение без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) и непосредственно сбыт (ст. 228.1 УК РФ), оставил нерешённым ключевой вопрос: по каким объективно верифицируемым критериям следует устанавливать субъективную направленность деяния? Данная неопределённость создаёт почву как для необоснованного ужесточения ответственности, так — в ряде случаев — для её фактического уклонения.

Не менее острой остаётся проблема провокации сбыта наркотических средств в ходе оперативно-розыскных мероприятий. Несмотря на законодательный запрет подстрекательства (ст. 5 Федерального закона № 144-ФЗ) и соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, правоприменительная практика демонстрирует устойчивое недоиспользование механизмов защиты от провокации: суды нередко ограничиваются констатацией формального соответствия ОРМ требованиям закона, не вдаваясь в анализ генезиса умысла обвиняемого.

Настоящая работа предлагает авторскую концепцию преодоления этих противоречий. В её основе лежит идея о том, что достижение уголовно-правовой справедливости в данной сфере невозможно без одновременного решения двух задач: (1) разработки нормативно закреплённых материальных критериев «активного сбытового умысла» и (2) создания эффективного процессуального механизма проверки доводов о провокации.

1. Нормативно-правовые основы квалификации и их интерпретационный потенциал

Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [1] конструирует систему законного оборота наркотических средств как исключительную: вне установленных законом целей (медицинских, ветеринарных, научных и иных) оборот запрещён. Уголовный кодекс РФ, в свою очередь, реализует эту запретительную модель через дифференцированную систему составов (ст. 228–233 УК РФ). Ключевое структурообразующее звено — разграничение между деяниями, совершёнными без цели сбыта (ст. 228 УК РФ) [2], и деяниями, непосредственно направленными на реализацию (ст. 228.1 УК РФ).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (в редакции от 16 мая 2017 г.) [3] содержит в п. 13 перечень косвенных признаков умысла на сбыт: нахождение в распоряжении лица количества вещества, явно превы-

шающего личные нужды; расфасовка; наличие весовых приспособлений; отсутствие у лица признаков потребителя. Однако, опираясь на практику следственной работы, авторы констатируют принципиальный изъян этого перечня: каждый из перечисленных признаков является косвенным и допускает альтернативное объяснение. Расфасовка может свидетельствовать об удобстве личного потребления; значительное количество — о единовременном крупном приобретении для личных нужд. Пленум, таким образом, предложил не критерии умысла, а лишь его индикаторы, оставив суду практически неограниченное пространство для усмотрения.

С теоретической точки зрения проблема усугубляется тем, что умысел на сбыт — это не вид прямого умысла в чистом виде, а целевая установка субъекта, формирующаяся задолго до фактического сбыта [4]. Доктрина уголовного права традиционно разграничивает осознание общественной опасности и направленность воли (цель). Сбыт как цель — это проспективная составляющая умысла, которую нельзя ни непосредственно наблюдать, ни с достаточной надёжностью выводить из количественных параметров предмета преступления. Именно поэтому применение одних лишь формальных показателей (масса, расфасовка) без установления «активных сбытовых действий» означает замену доказывания субъективной стороны доказыванием лишь объективных признаков, что противоречит принципу вины (ст. 5 УК РФ).

2. Доктринальные и практические аспекты разграничения ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ

Разграничение хранения без цели сбыта и сбыта образует «болеву точку» уголовно-правовой квалификации в исследуемой сфере [5]. Следственная и судебная практика обнажает характерную деформацию: суды нередко квалифицируют деяние по ст. 228.1 УК РФ, опираясь исключительно на значительную массу изъятого вещества, не устанавливая при этом ни одного признака реализационной деятельности обвиняемого. Между тем обзор судебной практики Верховного Суда РФ (утверждён Президиумом 26 июня 2024 г.) [6] фиксирует систематические случаи переквалификации с ч. 3 ст. 30, п. «Г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ на ч. 2 ст. 228 УК РФ именно по мотиву недоказанности умысла на сбыт.

Авторская позиция состоит в следующем. Умысел на сбыт наркотических средств должен считаться доказанным только при наличии хотя бы одного «активного сбытового признака»: (а) конкретных переговоров с потенциальными приобретателями, зафиксированных в материалах дела; (б) организации системы «закладок» с координатным сопровождением; (в) рекламирования наркотических средств в телекоммуникационных сетях; (г) неоднократных передач различным лицам в течение непродолжительного периода. Ко-

личественные и морфологические признаки (масса, расфасовка) при этом могут служить лишь вспомогательными, но не самостоятельными основаниями квалификации.

Самостоятельную квалификационную проблему порождают так называемые «дела посредников». Лицо, приобретающее наркотическое средство для потребителя за счёт последнего и без какой-либо имущественной выгоды для себя, объективно не осуществляет «реализацию» в смысле ст. 228.1 УК РФ и должно отвечать, как соучастник приобретения по ст. 228 УК РФ. Тем не менее судебная практика остаётся неоднородной. По мнению авторов, основной причиной этой неоднородности является отсутствие легальной дефиниции «реализации» как элемента объективной стороны сбыта: разъяснение Пленума носит описательный характер, но не формулирует признаков, наличие которых исключало бы квалификацию по ст. 228.1 УК РФ [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о значении Постановления Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, устанавливающего пороговые размеры наркотических средств, для решения рассматриваемой квалификационной проблемы. Данный нормативный акт разграничивает значительный, крупный и особо крупный размеры, создавая тем самым градуированную систему ответственности. Однако превышение порогового размера само по себе не может автоматически свидетельствовать об умысле на сбыт — это положение прямо вытекает из системного толкования ч. 1 и ч. 2 ст. 228 УК РФ, устанавливающих различную ответственность за хранение в зависимости от размера вне связи с целью сбыта.

3. Провокация сбыта наркотических средств: доктрина, практика и пробелы регулирования

Провокация преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств — явление, по своей правовой природе принципиально отличное от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния. Её специфика состоит в том, что общественную опасность несёт не само деяние провоцируемого лица — оно может вообще не обладать самостоятельной причинной силой, — а противоправное вмешательство государственного агента в генезис преступного умысла. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [8] запрещает подстрекательство, склонение или иное побуждение к совершению противоправных действий (ч. 8 ст. 5). Однако механизм применения этого запрета в уголовном процессе по-прежнему не имеет нормативной регламентации.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 14 Постановления № 14 (в ред. 2015 г.) связывает допустимость результатов ОРМ с двумя условиями: умысел на незаконный оборот должен был сформироваться у лица независимо от деятельности

оперативных сотрудников; лицо должно было совершить все подготовительные действия, необходимые для совершения преступления. Данная формулировка содержательно верна, однако процессуально не обеспечена: не установлено, на кого возложено бремя доказывания «независимости» умысла — на обвинение или на сторону защиты; не определено, каким должен быть стандарт доказывания по данному вопросу.

Показательным примером последствий этой процессуальной лакуны служит дело, рассмотренное Соликамским городским судом Пермского края [9]. Гражданин Т. был осуждён по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ за незаконный сбыт производного N-метилэфедрона массой 0,037 г в рамках «проверочной закупки». Фактические обстоятельства свидетельствовали о том, что оперативное мероприятие в отношении Т. было инициировано не на основании объективных данных о его причастности к сбыту наркотиков, а после отказа первоначального фигуранта (У.) от контакта. Посредник вышел на Т. по инициативе оперативников, перевёл ему денежные средства, после чего Т. лишь переместил ранее размещённую закладку. Пермский краевой суд в апелляционном приговоре от 17 декабря 2020 г. по делу № 22-7418⁷ полностью оправдал Т., констатируя: умысел на сбыт у него не возник самостоятельно, а был искусственно сформирован в результате действий оперативных сотрудников, нарушивших запрет ст. 5 Закона об ОРД. Результаты ОРМ были признаны недопустимыми доказательствами.

Данный прецедент обнажает системную проблему: первая инстанция вынесла обвинительный приговор в условиях, когда доводы о провокации содержались в материалах дела ещё на стадии расследования. Это означает, что суд первой инстанции либо не исследовал генезис умысла обвиняемого, либо возложил бремя доказывания провокации на защиту вопреки презумпции невиновности. По мнению авторов, именно этот практический феномен — «стандарт умолчания», при котором провокация признаётся лишь при активном сопротивлении защиты, — является основным препятствием для эффективной защиты от неё.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие авторские выводы и предложения *de lege ferenda*.

Первое. Действующее разграничение составов ст. 228 и ст. 228.1 УК РФ опирается на критерии умысла, носящие исключительно косвенный и формальный характер. Это создаёт структурную предпосылку для квалификационных ошибок в сторону ужесточения ответственности. В целях устранения данного пробела предлагается дополнить п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 указанием на то, что умысел на сбыт считается доказанным

лишь при наличии не менее одного «активного сбытового признака»: прямых переговоров об условиях сбыта; организованной системы «закладок»; рекламирования наркотических средств в сети «Интернет»; неоднократных передач разным лицам. Количественные и морфологические признаки предмета сами по себе не могут служить достаточным основанием квалификации по ст. 228.1 УК РФ.

Второе. Отсутствие нормативно закреплённого процессуального механизма проверки доводов о провокации является самостоятельным системным дефектом. Предлагается внести в ст. 229 УПК РФ изменения, обязывающие суд по ходатайству стороны защиты проводить на стадии подготовки к судебному заседанию специальную проверку законности ОРМ, включающую: установление оснований для их проведения в отношении конкретного лица; оценку степени инициативы оперативных сотрудников при вступлении в контакт с обвиняемым; привлечение независимого специалиста в области оперативно-розыскной деятельности. Установление факта провокации должно влечь прекращение уголовного дела по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ (отсутствие состава престу-

пления), а не лишь исключение результатов ОРМ из числа доказательств.

Третье. Системный подход к противодействию незаконному обороту наркотиков предполагает переориентацию правовой политики с преимущественно репрессивных мер на профилактику и медико-социальную реабилитацию потребителей. Институт отсрочки отбывания наказания (ст. 82.1 УК РФ), предполагающий прохождение лечения от наркотической зависимости, функционирует крайне редко — в том числе ввиду его недостаточной регламентации. Представляется целесообразным разработать подзаконный нормативный акт, определяющий стандарты лечебно-реабилитационных программ, принятие которых является условием применения данной нормы.

Реализация предложенных мер позволит обеспечить более полное соответствие правоприменительной практики принципам вины, справедливости и гуманизма (ст. 5–7 УК РФ), повысит предсказуемость уголовно-правовой оценки действий участников незаконного оборота наркотических средств и создаст реальные процессуальные гарантии против злоупотреблений в оперативно-розыскной деятельности.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», ст. 1, 2. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 15.03.2026).

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026), ст. 228, 228.1. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.03.2026).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 N 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 15.03.2026).

[4] Любавина М.А. Квалификация преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ: учебное пособие. СПб., 2016. С. 45.

[5] Егорова Т.И. Уголовная ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228–228.1 УК РФ): монография. М., 2016. С. 112.

[6] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами (утв. Президиумом ВС РФ 26 июня 2024 г.). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (дата обращения: 15.03.2026).

[7] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (в ред. постановлений Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 30 и от 16.05.2017 № 17) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 8.

[8] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 30.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

[9] Апелляционный приговор Пермского краевого суда от 17 декабря 2020 г. по уголовному делу № 22-7418 // Архив Пермского краевого суда.

References:

[1] Federal Law of January 8, 1998 No. 3-FZ «On Narcotic Drugs and Psychotropic Substances», Art. 1, 2. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (date of access: March 15, 2026).

[2] Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 N 63-FZ (as amended on February

20, 2026), Art. 228, 228.1. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (date of access: March 15, 2026). [3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.06.2006 N 14 (as amended on 16.05.2017) «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances». // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (date of access: 15.03.2026).

[4] Lyubavina M.A. Qualification of crimes provided for by Articles 228 and 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: a textbook. St. Petersburg, 2016. P. 45.

[5] Egorova T.I. Criminal liability for illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (Articles 228-228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): monograph. M., 2016. P. 112.

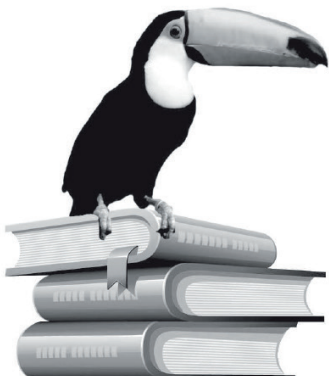
[6] Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation in cases of crimes related to narcotic drugs (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2024). // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_479925/ (date of access: 03/15/2026).

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 15, 2006 No. 14 «On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and toxic substances» (as amended by the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 30, 2015 No. 30 and of May 16, 2017 No. 17) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. No. 8.

[8] Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ «On operational-search activities» (as amended on December 30, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3349.

[9] Appellate verdict of the Perm Regional Court of December 17, 2020 in criminal case No. 22-7418 // Archive of the Perm Regional Court.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.